при помощи пространственных метафор ["the outer girdle of ramparts"; "the phalanxes"] и гиперболы [extend for acres and acres]. Шутливая категоризация книг [the Category of Books; "The Books…"], иронический эффект которой усиливается за счет приема графического выдвижения, осуществляется с точки зрения Читателя, представленного в роли «рефлектора»: The Books you Needn`t Read, …

Альтернативная интерпретация значения местоимения "you" в данном шутливом каталоге книг, как безличного "one" [The Books one Needn`t Read] не представляется абсолютно убедительной, поскольку весь фрагмент характеризуется эксплицитной субъективно-оценочной модальностью, не типичной для «безличной» ("impersonal") повествовательной перспективы.

Создаваемый во многих произведениях метапрозы «топос читателя» является, таким образом, неотъемлемой характеристикой пространственной организации постмодернистских художественных текстов, отражающей игровую саморефлексивность постмодернистской литературы.

Литература

1. *Арнольд, И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / И.В. Арнольд. – СПб., 1999.

2. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994.

3. *Воробьева, О.П.* Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: автореф. дис. … д-ра филол. наук / О.П. Воробьева. – М., 1993.

4. *Степанов, Г.В.* К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) / Г.В. Степанов // Контекст–83. – М., 1984. – С. 20–38.

5. *Степанов, Г.В.* Рефлексивная авторская игра в метапрозе / Г.В. Степанов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 2. – Т. 7. Филология. – С. 160–172.

6. *Шмид, В.* Нарратология / В. Шмид. – М., 2003.

7. The American Heritage Dictionary. 2-nd College Ed. – Boston, 1985.

8. *Barth, John*. Lost in the Funhouse (Fiction for print, tape, live voice) / John Barth. – N.Y. ; London ; Toronto, 1988. – P. 116–130.

9. *Barthelme, D.* Snow White / D. Barthelme. – N.Y., 1996.

10. *Calvino, I.* On a winter's night a traveler / I. Calvino. – San Diego ; N.Y. ; London, 1979.

11. *Chatman, S.* Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film / S. Chatman. – Ithaca and London, 1978.

12. *Genette, G.* Narrative Discourse Revisited / G. Genette. – Cornell Un. Press, 1988.

13. *Hutcheon, L.* Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox / L. Hutcheon. – Waterloo, Ontario, 1980.

14. *McCaffery, L.* The Metafictional Muse / L. McCaffery. – Un. of Pittsburgh Press, 1982.

15. *McHale, B.* Constructing Postmodernism / B. McHale. – London, 1992.

16. *Sukenick, P.* The death of the Novel and Other Stories / P. Sukenick. – N.Y., 1969.

17.*Waugh, P.* Metafiction. The Theory and Practice of Self – Conscious Fiction / P. Waugh. – London ; N.Y., 1984.

УДК 821(4): 008 (5)"17"

К.И. Шарафадина

ОТКЛИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII ВЕКА НА ВОСТОЧНЫЙ «СЕЛАМ»: ПРИСВОЕНИЕ «ЧУЖОГО»

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур» 24–27 апреля 2014 г.

В статье рассматривается интерпретация европейскими путешественниками XVIII в. турецкого «селама» – культурно-этикетной практики «немых писем», основанной на рифменном созвучии названий подарков-предметов и чувств. Автор приходит к выводу, что культурный трансфер этого явления на европейскую почву сопровождается творческой рецепцией, заключающейся в содержательно-ассоциативной семантизации предметного «языка».

Путевые записки, селам, «язык цветов», синьор Обри де ла Моттрей, леди Мэри Уортли Монтегю, культурный трансфер, ассоциативная семантизация.

The article deals with the eighteenth century European travelers' interpretation of Turkish "selam" – the cultural etiquette practice of "mute letters» based on the rhyme harmony of titles of gifts and feelings. The author comes to the conclusion that the cultural transfer of this phenomenon on European ground is accompanied by creative reception, consisting in content-associative semantization of subjective "language".

Travel notes, selam, "language of flowers", Signor Aubrey de la Mottraye, Lady Mary Wortley Montagu, cultural transfer, associative semantization.

Известное коренное изменение мировоззренческой парадигмы в европейской культуре XVIII века стало основанием для взрыва интереса к путешествиям, даже своего рода его культа, и послужило серьезным импульсом для развития изоморфных ему литературно-бытовых жанров, таких как дневник, письмо, путевые заметки. Конец XVII и весь XVIII век называют эпохой открытия Европой классической культуры Востока. Обращение к Востоку впервые принимает такой крупный масштаб, оказывая определенное воздействие на развитие западной культуры и науки.

Наша задача состоит в анализе культурологического генезиса европейской этикетно-бытовой практики «язык цветов», восходящей к турецкому предметному шифру под названием «селам» (слово-приветствие).

Первым опытом европейской культурологической рефлексии, направленной на восточный селам, были эстетизированные образы этого этикетного шифра, которые предложили читателям в своих путевых записках побывавшие в Турции европейские путешественники XVIII в.: синьор Обри де ла Моттрей и леди Мэри Уортли Монтэгю. Эти тексты до сих пор имели статус документальных источников. Их межкультурный диалоговый потенциал серьезно не оценивался, тем более не рассматривался целенаправленно.

Синьор Обри де ла Моттрей (A. de La Motraye, 1674–1743) побывал в Турции в 1727 г. в качестве гостя двора шведского короля Карла XII, находящего в то время в плену у турков, и поделился своими наблюдениями в путевых записках. Французский путешественник включил рассказ о селаме в главу о восточной «чувствительности» [6, p. 290–293], выделив этот тайный способ сообщения влюбленных как более нежный, чем обычные для турков, по его наблюдениям, «кровавые» формы изъявления своих чувств (например, нанесение себе ран на глазах у любимой девушки). Важно, что в его передаче формализованный (рифменный) механизм селама отошел на второй план, так как стиль селамных посланий в его переложении был по-восточному витиеватым и изощренно-метафорическим, восполняя этими стилевыми качествами отсутствие ассоциативной связи между предметом и репликой-сообщением.

Моттрей попытался систематизировать селамные предметы, сгруппировав их по гендерному принципу: он составил «мужской» и «женский» списки посланий. Например, чай, отосланный мужчиной, содержал такое поэтическое признание: «О ты, солнце моих дней самое светлое, луна моих ночей самая яркая»; соль – уверение «Огонь моей любви горит для тебя днем и ночью»; кофейное зерно – обещание «Я посвятил бы тебе тысячу жизней, если бы имел их».

Яблоко, выбранное для послания женщиной, заменяло мольбу «Не уходи от меня, весна моей жизни»; лук – просьбу: «Пусть твои руки обнимут меня вместо пояса», цвет розы объявлял возлюбленного «соловьем сердца», мел укорял – «Ты отнял у меня разум», наконец, если мед гласил: «Возьми мое сердце», то цвет зари возвещал: «Возьми мою жизнь».

Отбор некоторых предметов обнаруживал мужские и женские приоритеты и симпатии. Так, в мужской список попали «кровь дракона»[1], свинец, табак и соль, гвоздь и чай, кофе, а также мускус, мастика, имбирь, жемчужина и растения (мирт, жасмин, алоэ, кипарис). Женщины доверяли признания волосам, ниткам, пакле, бобам, маслинам, овощам (лук, огурец) и фруктам (яблоко, груша), цвету розы.

Кроме того, иногда к формальной рифме прибавлялись те ассоциации, которыми располагал избранный предмет. Так, волосы удачно рифмовались с признанием «ты – корона моей головы», вещь голубого цвета – с «очарованием» («Я очарован вами»), жемчужина делала комплимент глазам, тяжелый свинец оправдывал признание «вся моя любовь сосредоточена на тебе».

Растений в списках Моттрея было немного, но они-то как раз и являли пример содержательных рифм, так как в их ассоциативном фонде европейский слух обнаруживал те смысловые сегменты, которые «мотивировали» связанную с ними реплику. Например: *мирт* рифмовался с образом любовной связи («Благодарен небу, предоставившему тебя моим желаниям»), *алоэ* – с «лекарством» («Сладкое лекарство для моего сердца»), *кипарис* – со страданиями («Ты заставила меня страдать»), *жасмин* – с бесчувственностью, целомудрием («Неужели ты бесчувственна к моим страданиям?»)

Наконец, Моттрей приводил примеры своеобразных селамных псевдонимов, которыми обозначался адресат послания, и они также были по-своему выразительными. Так, «семечко подсолнуха» рифмовалось с именем Абдула, «лилия» – с Хасаном, «полынь» – с Селимом, «лист винограда» – с Фатимой, а «стеклышко» – с Катиджой.

Леди Мэри Уортли Монтэгю (Mary Wortley Montagu, 1689–1762), будучи супругой посла Англии в Порте, описывала впечатления от пребывания в экзотической Турции в 1717–1718 гг. в своей переписке с друзьями. «Путевые письма», которые начинались как дневник, содержали описание ее путешествий по Европе и Востоку в 10-е гг. XVIII в., но были опубликованы намного позже, посмертно, в 1763 г. [5], и выдержали впоследствии множество переизданий. Высокопоставленная особа при английском дворе, она пользовалась уважением монархов и правителей за пределами Англии как одна из образованнейших женщин своего времени. Совре-

[1] Так называли застывающий на воздухе в красную смолообразную массу сок некоторых растений, а именно: драцены (из семейства драценовых), пальмы демоноропс (сем. пальм), кротона (сем. молочайных), птерокарпуса (сем. бобовых). Чаще всего с «кровью дракона» идентифицировали застывший сок драцены, ценимый за лечебные свойства. См. об этом: Энциклопедический словарь лекарственных растений и продуктов животного происхождения / под ред. Г.П. Яковлева, К.Ф. Блиновой. – СПб., 2002. – С. 123.

менники также высоко ценили ее острый ум и писательский талант, а ее литературно-критическая деятельность повлияла на формирование читательского вкуса англичан [4, p. 40].

Отечественное литературоведение обратилось к серьезному изучению литературных опытов леди Мэри сравнительно недавно, когда появилось диссертационное исследование Е. Нагорновой [2]. Она справедливо утверждает, что репутацию «английской мадам Севинье» Монтэгю заслужила недаром, так как жанр письма приобрел под ее пером классический вид уже в первые десятилетия XVIII в.

Судя по письму от 16 марта 1717 г., леди Мэри решила познакомить свою английскую корреспондентку с турецким селамом интригующим способом. К этому опыту в полной мере можно отнести общую характеристику «Путевых писем», данную К. Атаровой: «…еще более, чем обилие и характер информации, поражает отточенность литературной формы, в которую она облечена» [3, с. 12].

Так, писательница создает некую имитацию селамного послания в виде набора из 17 предметов, выдавая его за достоверное: «Я добыла для вас, как вы просили, турецкое любовное письмо». Все эти предметы были помещены ею в посылку и доставлены адресату вместе с письмом-комментарием.

Селамный набор Монтегю был по-восточному колоритным и репрезентативным. Он включал жемчужину, ткань, золотую нить и канитель, цветы (нарцисс и роза) и фрукты (груша и виноград), пряности (корица, гвоздика, перец), а также спички, мыло, соломинку, уголек, бумагу и даже прядь волос. В комментирующем пояснении адресант приводила название предмета и его реплику сначала на турецком языке (в латинской транскрипции), чтобы продемонстрировать рифменные созвучия, а затем давала перевод реплик на английский язык.

Если Моттрей лишь сгруппировал известные ему селамные пары, представив читателю их «женский» и «мужской» список, то леди Мэри пошла дальше, проявив творческую инициативу и продемонстрировав незаурядное воображение. Из-под ее пера родилась небольшая новелла с оригинальным сюжетом – мольбой о взаимности безнадежно влюбленного к непреклонной красавице.

Так, жемчужина (ingi), открывающая «письмо», рифмуясь с эпитетом «прекрасная» (gingi), содержала комплиментарное обращение к адресату: «Прекраснейшая из юных!», а гвоздика (пряность) развивала комплимент в вытекающее из него признание: «Вы стройны, как эта гвоздика, вы – нерасцветшая роза, я уже давно люблю вас, но вы об этом не подозреваете». Нарцисс, бумага, груша, мыло, уголь – каждый на свой лад, молили о взаимности («Имейте жалость к моей страсти!», «Я слабею каждый час!», «Дайте мне надежду», «Я болен от любви», «Я могу умереть, и все мои годы станут вашими»). Комплименты («Корона моей головы» =волосы, «Очи мои!»=виноград) перемежались репликами самых разных любовных модальностей. Здесь было и благородное обещание: «Вы можете радоваться – ваши печали станут моими» (роза), и униженная просьба: «Позвольте стать вашим рабом» (соломинка), и восторженная хвала: «Вы бесценны» (ткань), и смиренное признание: «Моя судьба – в ваших руках» (корица), и крик души: «Я сгораю, мое пламя истребляет меня» (спичка), и мольба: «Не отворачивайтесь!» (золотая нить). Но, видимо, возлюбленная была столь непреклонна, что влюбленный решил воспользоваться крайним аргументом: завершающая письмо золотая проволока содержала его «последнюю волю»: «Я умираю – приходи быстрее», а постскриптума в виде перца просил «дать ответ», приглашая к продолжению игры-сообщения.

Характер рецепции формально-рифменного турецкого селама проявил свойственные леди Мэри качества ее писательской манеры: богатую стилевую палитру и не менее богатое воображение. Ведь селам предлагал лишь рифмование двух слов-понятий: omoude («груша») = ormoude («надежда»), а красноречие влюбленного (роль «наперсницы» которого взяла на себя писательница) должно было выстроить на этой лаконичной «базе» по-восточному орнаментально-витиеватые реплики-признания. Задачу усложнял тот факт, что в турецком языке рифмуется чуть ли не 70 процентов лексем, при этом ассоциативные связи между срифмованными понятиями не обязательны, поэтому мыло скрывало признание «Я болен от любви», а груша просила дать надежду. Тем не менее леди Мэри в нескольких случаях попыталась отыскать аналогии между селамным предметом и рифмующимся с ним понятием и развить их в реплике в виде ассоциативного мотива: «Вы стройны, как эта гвоздика[1], вы – нерасцветшая роза, я уже давно люблю вас, но вы об этом не подозреваете», «Я (спичка – К.Ш.) сгораю, мое пламя истребляет меня», «Корона моей головы» (прядь волос), «Я могу умереть (как этот уголь сгорает – К.Ш.), и все мои прожитые годы станут вашими».

Согласимся, что леди Мэри нельзя отказать в гармоничном и изобретательном «сочетании познавательного и лирического» [3, с. 13] и такой этюд о селаме, несомненно, должен был остаться в памяти читателей.

Ее сотворчество оказалось счастливой находкой, так как именно этот ассоциативно-символический механизм образования значений шифра оказался в перспективе для европейской версии селама предпочтительным. Больше отвечая специфике семантических механизмов символизации, характерных для европейской культурной рефлексии, он стал базообразующим для европейской версии селама в виде так называемого «языка цветов», отсчет которого ведут от конца XVIII столетия.

Таким образом, учитывая разработанную в отечественном литературоведении теорию взаимодействия культур, путевые записки Моттрея и Монтэгю на восточную тему можно рассматривать как проявление такого типа взаимодействия, который опирался на «встречное течение» (термин А.Р. Гейзера) [1].

[1] Пряность, представляющая собой цветочную завязь.

Таким «встречным течением» явилась эстетическая установка всей литературы Просвещения – «поучать развлекая», или, имея в виду проанализированный нами опыт культурного трансфера, «учиться развлекать и умно, и красиво».

Литература

1. *Гейзер, А.Р.* Восточная тема в английской литературе XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Гейзер. – Л., 1984.

2. *Нагорнова, Е.В.* Пейзаж в произведениях Мэри Монтэгю: дис. … канд. филол. наук / Е.В. Нагорнова. – М., 2003.

3. От факта к вымыслу / сост. К.Н. Атарова. – М., 1987.

4. *Hafstader, A.A.* Sisters of the Quill / A.A. Hafstader. – N.Y., 1978.

5. Letters of Lady Mary Wortley Montagu, written during her travels in Europe, Asie and Africa. – London, 1763.

6. Voyages du S-r A. de La Motraye, en Europe, Asie, Afrique. A la Haye, M.DCC.XXVII. Tome premier. Chap. XV “Galanterie cruelle des Turcs”.